

УДК 316.75:316.64:32

Нехаенко, О., Бойко, Д., Литовченко, А. (2018). Дискурсивное насилие как инструмент социологической легитимации идеологического порядка разделенного общества. *Социологические студии*, 2(13), pp. 37–44.  
DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-37-44>

## Дискурсивное насилие как инструмент социологической легитимации идеологического порядка разделенного общества

**Оксана Нехаенко** – аспирант  
кафедры политической социологии,  
Харьковский национальный  
университет имени В. Н. Каразина,  
Харьков, Украина  
E-mail: [o.v.nekhaenko@karazin.ua](mailto:o.v.nekhaenko@karazin.ua)

**Oksana Nekhaienko** – graduate student  
Department of Political Sociology,  
V. N. Karazin Kharkiv National University,  
Kharkiv, Ukraine  
E-mail: [o.v.nekhaenko@karazin.ua](mailto:o.v.nekhaenko@karazin.ua)  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5201-8200>

**Дмитрий Бойко** –  
старший преподаватель кафедры  
политической социологии,  
Харьковский национальный университет  
имени В. Н. Каразина, Харьков, Украина  
E-mail: [dmitry.n.boyko@gmail.com](mailto:dmitry.n.boyko@gmail.com)

**Dmytro Boyko** – Senior Lecturer,  
Department of Political Sociology,  
V. N. Karazin Kharkiv National University,  
Kharkiv, Ukraine  
E-mail: [dmitry.n.boyko@gmail.com](mailto:dmitry.n.boyko@gmail.com)  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3425-8555>

**Артем Литовченко** –  
кандидат социологических наук, доцент  
кафедры политической социологии,  
Харьковский национальный университет  
имени В. Н. Каразина, Харьков, Украина  
E-mail: [a.d.litovchenko@karazin.ua](mailto:a.d.litovchenko@karazin.ua)

**Artem Lytovchenko** –  
PhD in Sociology, Associate Professor,  
Department of Political Sociology,  
V. N. Karazin Kharkiv National University,  
Kharkiv, Ukraine  
E-mail: [a.d.litovchenko@karazin.ua](mailto:a.d.litovchenko@karazin.ua)  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-5213>

DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-37-44>

Received: September, 2018  
1<sup>st</sup> Revision: October, 2018  
Accepted: November, 2018

В статье рассматриваются особенности социального порядка разделенных обществ. Ставится вопрос о роли социологического дискурса в легитимации социальной разделенности. Внимание акцентируется на необходимости саморефлексии социологического сообщества. Раскрываются особенности функционирования социологического дискурса в разделенном обществе как инструмента легитимации.

Для достижения поставленной цели – выявления степени идеологической ангажированности дискурса публичной социологии – анализируются материалы, которые были опубликованы на официальном сайте Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова в течение 2018 г. Анализ основывается на заголовках публикуемых данных; также анализируемая информация выделяется тематически. Обозначаются маркеры дискурсивного насилия в материалах, публикуемых на официальном сайте исследовательского центра.

**Ключевые слова:** разделенные общества, идеологический порядок, дискурс, символическое насилие, легитимация.

**Nekhaienko Oksana, Boyko Dmytro, Lytovchenko Artem. Discursive Violence as a Tool of Sociological Legitimation of the Ideological Order of a Divided Society.** The article discusses the features of the social order of divided societies. The question of the role of sociological discourse in the legitimation of social separation is raised. Attention is focused on the need for self-reflection of the sociological community. The features of the functioning of sociological discourse in a divided society as a tool of legitimation are revealed.

To achieve this goal – to identify the degree of ideological engagement of public sociology discourse – the materials that were published on the official website of the Razumkov Center during 2018 are analyzed. Analytical articles written by experts and analysts in sociological centers, published on official websites are analyzed; comments, interviews, other text and video publications are also considered.

Information published on websites and on behalf of sociological organizations is considered as part of the discourse of public sociology. In this case, non-academic public sociology does not negate the fact that discourse continues to exist as a sociological one and significantly influences the audience.

In the case studies from the sphere of public sociology, discursive violence is observed through the articulation of various schemes of everyday social distinction drawn up in a scheme of scientific distinction. This not only contributes to the legitimization of this picture of the world (by «translating» it into a scientific language, that is, delegating to it the symbolic capital of the field of science), but also legitimizing and hiding the distancing processes associated with it, the extreme form of which can be considered the divides.

**Key words:** divided societies, ideological order, discourse, symbolic violence, legitimation.

**Нехаенко Оксана, Бойко Дмитро, Литовченко Артем. Дискурсивне насильство як інструмент соціологічної легітимації ідеологічного порядку розділеного суспільства.** У статті розглянуто особливості соціального порядку розділених суспільств. Ставиться питання про роль соціологічного дискурсу в легітимації соціальної розділеності. Увагу акцентовано на необхідності саморефлексії соціологічної спільноти. Розкрито особливості функціонування соціологічного дискурсу в розділених суспільствах як інструменту легітимації.

Для досягнення поставленої мети – виявлення ступеня ідеологічної ангажованості дискурсу публічної соціології – здійснено аналіз матеріалів, опублікованих на офіційному сайті Українського центру економічних і політичних досліджень ім. А. Разумкова протягом 2018 р. Аналіз ґрунтується на заголовках матеріалів, розміщених на сайті; аналізована інформація також виділяється тематично. Позначено маркери дискурсивного насильства в матеріалах, опублікованих на офіційному сайті дослідницького центру.

**Ключові слова:** розділені суспільства, ідеологічний порядок, дискурс, символічне насильство, легітимація.

**Актуальность.** Для социологической науки вопросы рефлексии и самоконтроля представляются остро актуальными вне сиюминутной логики, в силу возможного социального влияния социологического знания. В этом смысле исследования в рамках социологического самоанализа давно и убедительно актуализированы Ч. Р. Миллсом, А. Гоулднером, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Буравым, П. Бурдьё и др. Поскольку социология проявляет себя прежде всего в виде специфического дискурса, то именно социологический дискурс, и в частности его публичный сегмент, наиболее логично определять как объект социологической рефлексии. Для разделенного общества, к каковым по целому ряду признаков может относиться Украина, характерна повышенная значимость дискурсивных процессов, направленных на легитимацию или делегитимацию тех образов порядка, которые предлагаются или транслируются официальными идеологическими аппаратами. Соответственно, роль социологии в указанных процессах представляется интересным и перспективным предметом социологического исследования. На него и направлены попытки анализа, представленные в данной статье, **цель** которой – определение потенциала дискурсивного насилия как инструмента легитимации в публичной социологии.

В рамках освещения **теоретических основ исследования** предлагается вариант решения проблемы концептуализации понятия «разделенное общество» (dividedsociety) и соотношения данного понятия с двумя другими концептами «многосоставное общество» (pluralsociety) и «фрагментированное общество» (fragmentedsociety).

Концепт многосоставного общества стал широко известен, благодаря работам Арнда Лейпхарта (1997). Определяя понятие многосоставного общества, Лейпхарт ссылается на «сегментарные различия». Они «могут иметь религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу», но важно то, что «политические партии, группы интересов, средства коммуникации, школы, добровольные объединения имеют тенденцию к организации по линиям, повторяющим контуры существующих внутри общества границ» (Лейпхарт, 1997, с. 38). Семантически «pluralsociety» однако ассоциируется с политическим плюрализмом – явлением,

сущностно свойственным либеральной демократии и, как представляется, не совсем удачно схватывает специфику тех обществ, которые описывает Лейпхарт. Возможно, это объясняет, почему более широкое распространение получил второй концепт – «фрагментированное общество», также достаточно известный в политической науке. Можем отметить, что, будучи переходным состоянием общества, фрагментарность является в достаточной мере гибким и изменчивым состоянием. Таким образом, фрагментарное общество предстает как разрозненное общество, состоящее из значительно обособленных его сегментов. Однако мы склонны предполагать, что оно может выступать в качестве переходного состояния того или иного общества.

В свою очередь, о разделенных обществах говорят тогда, когда в политической жизни наблюдается очевидный раскол по этническому, религиозному или историко-культурному признаку. «Когда отношения доминирующей группы к меньшинствам характеризуются враждебностью, а не сотрудничеством, общество может быть описано как разделенное» (Oberschall, 2007, p. 1). Судя по всему, ключевой признак групп, раскалывающих «разделенное общество», заключается не столько в самих этнических или культурных признаках, сколько в том, что они воспринимаются в примордиалистском ключе. Это создает достаточно интенсивную и эмоционально окрашенную групповую идентичность, что и является базой для расколов. Разумеется, примордиалистский подход – это продукт социального конструирования, и в качестве примордиальных могут коллективно осмысливаться разные признаки, но чаще всего в качестве таковых выступают именно родство (общее происхождение) и культурные особенности (язык, религия), что обычно и фиксирует категория «этничность», вместе с тем отметим еще раз, что разделенным обществом может быть не только по этническому признаку.

На первый взгляд, плюральные общества мало чем отличаются от обществ разделенных, но фактически концепция многосоставного общества является более широкой. Проблематика глубоко разделенных обществ часто связывается с более или менее компактным территориальным расселением, при этом данное условие не обязательно должно сохраняться в многосоставном или фрагментарном обществе. Глубоко разделенные общества отличаются от фрагментированных неспособностью договориться по вопросу совместного процесса принятия решений, из-за чего установление мира и сам процесс примирения становятся крайне проблематичными (Дубликаш и др., 2015).

Разделенное общество – это общество кризиса, и именно в условиях кризиса возрастает влияние манипулятивных технологий, они становятся основным инструментом реализации идеологии, оправдания идеологического порядка; также общество, находящееся в кризисе, более восприимчиво к воздействию пропаганды. Подобные особенности разделенного общества известны и политической элите. Более того: такая социальная «уязвимость» активно ею используется. В том случае, если общество в состоянии раскола находится длительный период, манипулятивный характер политики становится очевидным для общества, пропаганда и ее механизмы вскрываются, а соответственно, возникает необходимость в поиске новых рычагов воздействия на общество, которые были бы более эффективны, чем политическое воздействие. В таком случае особое влияние приобретает сфера научного знания в целом и, в частности, социогуманитарные науки.

Несмотря на декларативное стремление к веберовской объективности и свободе от оценки, свойственные современной украинской социологии, наука в любом случае соотносится с теми или иными идеологическими конструктами, активно участвуя в их (вос)производстве. В рамках данной статьи мы рассматриваем «идеологию» в ее предельно широком значении, потому нам достаточно согласиться с её определением (по Л. Альтюссеру) как «системы (которая имеет собственную логику и строгость) представлений (которые могут выступать в форме образов, мифов, идей или понятий), обладающей определенным историческим бытием и определенной исторической ролью в пределах того или иного конкретного общества» (Альтюссер, 2006). Идеология при этом является дискурсивной проекцией социальной структуры, с одной стороны, и «теоретическим проектом» самого социального структурирования – с другой. Так, идеология формируется в ходе легитимации социального порядка, в ответ оказывая на него влияние через дискурсивное насилие.

Однако нас интересует не легитимация социального порядка вообще, но непосредственно социологическая легитимация. Если применить классическое конструктивистское понимание легитимации (Бергер, Лукман, 1995, с. 51–170) непосредственно к публично-социологическим дискурсивным практикам, то в этом плане социологическая легитимация является одним из факторов установления

и поддержания идеологического порядка, что реализуется посредством теоретико-методологического, концептуального и эмпирического описаний и объяснения социальных отношений в расколотом обществе с заведомо идеологизированных позиций. Сам идеологический порядок строится на взаимодействии социального порядка с идеологией посредством легитимации первого последней и дискурсивного насилия инструментами последней, нацеленного на (вос)производство первого.

Идеологический порядок тем самым нацелен на синхронизацию социального и дискурсивного пространства<sup>1</sup> за счет закрепления за теми или иными участками социального пространства соответствующих дискурсивных элементов.

Наука и академический дискурс обладают авторитетом, часто необсуждаемым, в глазах обывателя. Это наделяет науку некоей особой властью над сознанием, поскольку в меньшей степени поддается критическому осмыслению. Проще говоря, создается определенный стереотип: «научно – значит истинно». В свою очередь, социология сегодня, как ни одна другая отрасль социогуманитарного знания, декларирует свою беспристрастность и внеидеологичность, повсеместно проповедуя веберовскую максиму о свободе от оценки (Литовченко, Нехаенко, 2016). Некогда Джонатан Тернер предположил, что социологическая теория представляет собой словесный «образ общества» (Тернер, 1985, с. 37).

Социологическое знание претендует на рациональный характер, ссылаясь на логику доказательной аргументации, ему приписывается аналитичность и устремленность к исследованию совокупностей социальных фактов с дальнейшим их включением в общую картину социального мира как единого целого. Фактически социологии приписывается функция «социального диагноста», то есть социолог должен вскрывать социальные проблемы и уметь выработать пути их решения. К таким социальным проблемам мы относим и социальный раскол, соответственно, задачей социолога, исследующего глубоко разделенные общества, является, в первую очередь определение фактора раскола для последующего его нивелирования. Но стоит помнить о том, что социология не обособлена от политико-исторического контекста, а это значит, что проективная функция социологии, которая заключается в разработке проекта преобразования социальной действительности, скорее всего, будет реализоваться в интересах конкретной социальной группы. И не всегда эти интересы нацелены на дальнейшую консолидацию. Не секрет, что интересы правящей элиты не всегда пересекаются с интересами социальными. В подобном случае социология приобретает пропагандистский характер, а социолог из исследователя превращается сначала в лидера мнений, а после – в пропагандиста.

В этом заключается **проблемная ситуация**: социолог является частью анализируемого общества, он включён в объект исследования и действует в рамках жизненных правил и ценностно-нормативной системы объекта. Собственно, это подтверждает и актуальность темы: поскольку социолог как профессионал в значительной мере «обусловлен» конкретным обществом; есть основания считать, что в обществе с особыми, нетипичными условиями социолог является носителем неких нетипичных функций и исполнителем соответствующих нетипичных ролей. Разделённые общества относятся нами как раз к таким нетипичным, создающим особые условия функционирования социологов; и вопрос о специфике социальных ролей социолога в разделённом обществе представляется достаточно важным как для изучения подобных обществ, так и для углубления понимания принципов социального функционирования социологии.

Социолог в разделённом обществе попадает в ситуацию навязанной бинарности функциональных ролей. С одной стороны, социальный раскол или расколы, лежащие в основе разделённости общества, привлекают к себе всё социологическое внимание. Какая бы проблематика не ставилась в исследовательский фокус, в ней так или иначе будет проявляться разделённость общества, требующая, как минимум, диагностирования, хотя бы констативного. Игнорировать раскол(ы) будет по меньшей мере непрофессиональным; разделённость, усиливаясь (а впрочем и на уровне самого перехода расколов в масштаб разлома, кливажа, в терминологии С. Липсета и С. Роккана), претендует на полное поглощение социального пространства, приобретает характер *оболочки*, аналогичной способности

---

<sup>1</sup> Вырисовывается картина, аналогичная тем, которые предлагают А. Лефевр (2015) и П. Бурдьё (2005), в соответствии с которыми социальное пространство пытается реализоваться в физическом, однако мы смотрим «на этаж выше» – на соотношение социального пространства с дискурсивным.

политики проникать во все иные сферы взаимодействия и социальной нормативности. Соответственно, социолог в разделённом обществе превращается в диагноста разделённости и к этой роли постепенно стягивается весь его профессиональный ролевой репертуар (Литовченко, Нехаенко, 2018).

С другой стороны, такая ситуация, в частности растущий «оболочечный» характер разделённости социума, вынуждает социолога как публичную фигуру и ангажированного эксперта либо прямо занять одну из позиций, продуцируемых разделённостью, либо косвенно солидаризироваться с одной из сторон. Пребывание над схваткой становится профессионально невозможным не с точки зрения сообщества, а в силу неизбежного (хотя и разнонаправленного) давления общества. Это максимально приближает социолога к пропагандисту, и то, что такое приближение во многом является результатом символического насилия, не меняет итога и той позиции, которую социолог занимает вне зависимости от собственного желания. Впрочем, отметим, что реальные примеры функционирования социологов в разделённых обществах, например в украинском, показывают, что число социологов, добровольно и охотно принимающих на себя роль пропагандиста, достаточно велико (Литовченко, Нехаенко, 2016).

В статье рассматривается кейс Украинского центра экономических и политических исследований имени А. Разумкова (далее – Центр Разумкова)<sup>1</sup>. Данная исследовательская компания является одним из наиболее влиятельных социологических центров в Украине. Несмотря на то, что официально Центр Разумковане называет себя социологической организацией, а в его полном названии не заявлены социологические исследования, тем не менее, компания проводит социологические исследования, представляет их результаты на официальном сайте как отдельное направление своей деятельности. Кроме того, Центр Разумкова сертифицирован Социологической ассоциацией Украины как организация, имеющая право на проведение социологических исследований. Это позволяет нам рассматривать дискурс Центра Разумкова как один из типичных примеров дискурса публичной социологии в Украине. Наша **задача** – определить, в какой мере дискурсивное оформление информации нацелено на легитимацию официального идеологического порядка. Анализ в рамках статьи имеет предварительный и поисковый характер. Мы не претендуем на исчерпывающие обобщающие выводы, а лишь стремимся на данном этапе определить, имеет ли перспективы заявленная нами тема.

Предлагается анализировать те данные, которые публиковались на официальном сайте в течение 2018 г. Мы сосредоточимся на заголовках публикуемых данных, поскольку важны функции заголовка. Отбор информации осуществлялся по тематическому принципу: анализу подверглись материалы, размещенные в подрубриках «внешняя политика», «внутренняя и правовая политика». Именно в рамках данной тематики, на наш взгляд, наиболее ярко прослеживаются идеологические маркеры и апологетический характер социологической информации, публикуемой на официальных сайтах исследовательских центров. Уточним: указанные подрубрики входят в рубрику «Исследования», то есть подаются как аккумуляторы объективных и интенционально нейтральных результатов деятельности. При этом мы сознательно отказываемся от включения в эмпирический массив поискового анализа пресс-релизов, которые содержатся в рубрике «Социология» на сайте Центра Разумкова: жанр пресс-релиза во многом обуславливает техническую нейтральность заголовка, и проверка материалов этой рубрики в рамках поискового анализа требует диагностики полного текста публикаций, каковая задача включается нами в **перспективы нашего исследования**.

Информация, публикуемая на сайтах и от имени социологических организаций, является неотъемлемой частью дискурса публичной социологии, основным постулат которой – необходимость вовлечения широкой аудитории в открытые публичные и политические сферы с темами, которые непосредственно связаны с общественной деятельностью, политической активностью, социальными движениями и т. д. Внеакадемичность в данном случае не отменяет того факта, что дискурс продолжает существовать как социологический и значительно влиять на аудиторию. Связано это с рядом характеристик социологического дискурса в Украине, таких как: 1) постулирование научной самостоятельности и исключительности социологии (с претензией на вытеснение и замещение всех

---

<sup>1</sup><http://razumkov.org.ua/>

иных форм социального знания и отрицанием идеологических корней социологии); 2) сакрализация социологической терминологии, парадоксально архаизирующая социологию как науку; 3) мода на концепции (веберовские, хабермасовские, штомпкианские и т. д.), тематики и направления исследований («трансформационные», «идентичностные», «гендерные» и т. д.); 4) претензии на объективность и беспристрастность, отягощенные идеологизированной опустошенностью этики «Кодекса социолога» (Литовченко, 2012, с. 124). Эти особенности в умах аудитории продолжают свое существование даже тогда, когда фактически социологический дискурс пересекает академические границы.

Таким образом, заголовки материалов, которые публикуются на официальном сайте Центра Разумкова, анализируются нами с точки зрения их дискурсивно-насильственного потенциала. При этом в качестве основной посылки принято утверждение, что этот потенциал является изначально более высоким, чем в источниках, не имеющих социологического статуса, что связано с определенным «магическим» воздействием, которое оказывает ссылка на аудиторию, на авторитет и научную обоснованность знания.

Так, мы исходим из проблематизации дискурсивно-насильственной составляющей в использовании той или иной социологической терминологии и риторики в материалах вышеуказанных исследовательских центров. При этом «дискурсивное насилие» следует понимать в предельно широком смысле, как артикуляцию знаков и значений, ориентированную на (вос)производство дискурсивной власти. В этом контексте дискурсивное насилие является частным случаем символического насилия, то есть навязывания значений, символов или символических систем и их легитимации, направленных на установление и воспроизводство гегемонии (Бойко, 2017). Основной отличительной чертой дискурсивного и символического насилия на фоне других способов и форм прямого и косвенного влияния (пропаганды, принуждения, других видов насилия и т. д.) является их нерелексивный, «естественный, “само собой разумеющийся” для индивида характер» (Бурдье, Пассерон, 2007, с. 19). Это обеспечивается за счет системного и тотального навязывания «правильных» форм восприятия, мышления и суждения, в которых нельзя усомниться с опорой на них самих. Более того, данные мыслительные структуры имеют свойство реализовываться в ходе повседневных практик, тем самым дискурсивное и символическое насилие производится теми, на кого оно и нацелено.

В рассмотренных кейсах из сферы публичной социологии наблюдается дискурсивное насилие посредством артикуляции различных схем повседневного социального различия, оформленных в схемы научного различия. Это не только способствует легитимации данной картины мира (за счет «перевода» ее на научный язык, то есть делегирования ей символического капитала поля науки), но и легитимации и сокрытию связанных с ней процессов дистанцирования, крайней формой которых можно считать расколы.

Поисковый анализ проводился по двум основаниям: использование приемов дискурсивного денейтрализующего воздействия и воспроизведение элементов официального дискурса или созвучных ему положений. И то, и другое воплощает дискурсивное насилие в изложенном выше понимании: первое реализует манипулятивный потенциал дискурса, маркированного как «экспертно-научный» и «социологический», второе транслирует апологетические образы идеологического порядка, выступающие в качестве объектов легитимации. Формальные результаты анализа представлены в табл. 1 и 2.

Итого, по результатам анализа, восемь заголовков содержат приемы дискурсивного денейтрализующего воздействия, и семь – воспроизводят элементы официального дискурса. Пять заголовков попадают в оба перечня; при этом из восьми заголовков рубрики «внешняя политика» половина содержит маркеры обоих направлений анализа, а из двенадцати рубрики «внутренняя и правовая политика» – шесть заголовков. Таким образом, половина всех подвергнутых анализу заголовков удовлетворяет заданным нами критериям.

Таблиця 1

Заголовки матеріалів рубрики «внешня політика»<sup>1</sup>

Дата публікації	Заголовок
19 марта 2018	Відтермінувати не можна врегулювати: чим обернеться відставка Роберта Фіцо
14 февраля 2018	«Вагнерівці» та червона лінія для Росії <sup>2</sup>
13 февраля 2018	Закон про «бандеризм»: чи є загроза та що змусить схаменутися польську владу?
12 февраля 2018	Навіщо МЗС вирішило повернути представництво в Ужгороді?
25 января 2018	Повернення Донбасу – це завдання щонайменше десяти років, якщо не двадцяти
24 января 2018	У Волкера є «батіг» для Суркова: в Україні спрогнозували підсумки нової зустрічі
24 января 2018	Миротворці на Донбасі: чи можна подолати право вето РФ в ООН і що для цього потрібно
22 января 2018	Судові справи, подібні до ініційованих Україною в міжнародних інстанціях, завжди розглядаються довго

Таблиця 2

Заголовки матеріалів рубрики «внутренняя и правовая политика»<sup>3</sup>

Дата публікації	Заголовок
05 ноября 2018	Розвиток ситуації на Донбасі та роль Радбезу ООН у стримуванні Росії (мовою оригіналу)
18 октября 2018	Виступ експерта Центру Разумкова на Міжнародній конференції «Стратегії примирення. Роль Церков в Україні»
11 октября 2018	А що буде з тими, хто розмовляє російською? Пояснює соціолог Михайло Міщенко (мовою оригіналу)
13 сентября 2018	Церква і політика
04 сентября 2018	Михайло Міщенко. Синдром <b>набутої безпорадності</b>
25 июня 2018	<b>Токсичность ингредиентов конституционного меню</b>
14 мая 2018	Звідки беруться «соціокультурні розколи»?
23 апреля 2018	Україна та Росія – <b>кінець братерства</b>
19 апреля 2018	Центр Разумкова презентував монографію «Україна на порозі об'єднаної Європи»
19 апреля 2018	<b>На порозі Європи: який шлях пройшла Україна від СРСР до сьогодні</b>
18 апреля 2018	Гра з Конституцією (мовою оригіналу)
26 марта 2018	<b>Справжній переворот</b> в Україні відбувся у 2010 році

Безумовно, эти результаты не могут рассматриваться и не рассматриваются нами в качестве оснований для каких бы то ни было выводов. Мы расцениваем их всего лишь как основание для констатации перспективности заданной темы; наш поисковый анализ позволил нам предварительно подтвердить наличие как таковой проблемы, которая требует глубокого исследования. Ближайшую его перспективу мы видим, во-первых, в расширении перечня объектов исследования за счет как других ведущих исследовательских центров, представляющих публичную социологию (напр. Фонда «Демократические инициативы», Киевского международного института социологии, Центра «Социальный мониторинг» и т. д.), так и академических социологических структур (напр. Института социологии НАНУ); во-вторых – в расширении аналитического поля за счёт исследования собственно текстов анализируемых материалов и привлечения материалов из всех рубрик официальных сайтов; в-третьих, в расширении временного промежутка анализируемых материалов и осуществлении сравнительного анализа по различным годам.

*Источники и литература*

1. Альтюссер, Л. (2006). *За Маркса*. Пер. с франц. Москва: Праксис, 392 с.

<sup>1</sup> <http://razumkov.org.ua/napriamky/zovnishnia-polityka>

<sup>2</sup> Здесь и далее жирным шрифтом выделены приемы дискурсивного нейтрализующего воздействия (метафоры, эмоционально нагруженные лексемы и выражения, маркеры подлинности и т. д.); серым фоном выделяются заголовки, воспроизводящие элементы («мессиджы») официального дискурса или созвучные им положения.

<sup>3</sup> <http://razumkov.org.ua/napriamky/vnutrishnia-i-pravova-polityka>

2. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум, 323 с.
3. Бойко, Д.Н. (2017). Символическое насилие как объект социологического исследования: категоризация и операционализация. *Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи»*, № 37, С. 91–95.
4. Бурдьё, П., Пассерон, Ж.-К (2007). *Воспроизводство: элементы теории системы образования*. Пер. с франц. Москва: Просвещение, 267 с.
5. Бурдьё, П. (2005). *Социология социального пространства*. Пер. с франц. Москва: Ин-т эксперимент. социологии, Санкт-Петербург: Алетейя, 288 с.
6. Дубликаш, Т., Литовченко, А., Мурадян, Е., Никулин, В. (2015). Радикализм в идеологиях и практиках поддержки интеграционных и дезинтеграционных проектов в разделенных обществах. *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества*, С. 38–45
7. Лейпхарт, А. (1997). *Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование*. Москва: Аспект Пресс, 287 с.
8. Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. Пер. с франц. Москва: StrelkaPress, 432 с.
9. Литовченко, А. Д.; Нехаенко, О. В. (2018). Социолог в разделённом обществе: от диагноста до пропагандиста. *Advances of science: Proceedings of articles the international scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary; Ukraine, Kyiv, 28 September*, P. 1506–1514.
10. Литовченко, А., Нехаенко, О. (2016). Критико-социологический анализ пропагандистских аспектов социологического дискурса Украины: постановка проблемы. *Социологические студии*, № 1 (8), С. 16–24.
11. Литовченко, А. Д. (2012). Декларативность социологического дискурса. *Альтруїзм, благодійність і демократія в сучасних соціокультурних контекстах*. Збірка наук. ст. за матеріалами міжнар. наук.-практ. конф. Харків, С. 113–126.
12. Тернер, Дж. (1985). *Структура социологической теории*. Пер. с англ., под. ред. Г. В. Осипова. Москва: Прогресс, 472 с.
13. Oberschall, A. (2007). *Conflict and peace building in divided societies: Responses to ethnic violence*. London, 260 p.

#### References

1. Althusser, L. (2006). *For Marx*. Transl. from French. Moscow: Praxis, 392 p.
2. Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 323 p.
3. Boyko, D. N. (2017). Symbolic violence as an object of sociological research: categorization and operationalization. *Visnyk of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods*, Issue 37, P. 91–95.
4. Bourdieu P., Passron, J.-C. (2007). *Reproduction: elements of the theory of the education system*. Transl. from French Moscow, 267 p.
5. Bourdieu, P. (2005). *Sociology of social space*. Transl. from French St. Petersburg, Moscow, 288 p.
6. Dublikash, T., Litovchenko, A., Muradyan, E., Nikulin, V. (2015). Radicalism in the ideologies and practices of supporting integration and disintegration projects in divided societies. *Methodology, theory and practice of sociological analysis of modern society*, P. 38–45.
7. Leiphart, A. (1997). *Democracy in multicomponent societies: A comparative study*. Moscow: The Aspect Press, 287 p.
8. Lefevre, A. (2015). *Production space*. Transl. from French. Moscow: Strelka Press, 432 p.
9. Lytovchenko, A., Nekhaienko, O. (2018). *Sociologist in a divided society: from diagnostician to propagandist*. Advances of science: Proceedings of articles of the international scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary; Ukraine, Kyiv, September 28, P. 1506–1514.
10. Lytovchenko, A., Nekhaienko, O. (2016). Critical-Sociological Analysis of the Propaganda Aspects of Sociological Discourse in Ukraine: the Problem's Designation. *Sociological Studios*, 1 (8), P. 16–24.
11. Lytovchenko, A. D. (2012). A Declarative sociological discourse. *Altruism, charity and democracy in contemporary social and cultural contexts*. The collection of scientific articles on materials of the international scientific conference, P. 113–126.
12. Turner, J. (1985). *The Structure of Sociological Theory*, Transl., ed. by G. V. Osipov, Moscow: Progress, 472 p.
13. Oberschall, A. (2007). *Conflict and peace building in divided societies: Responses to ethnic violence*. London, 260 p.